

ЕКАТЕРИНА СЕРЕБРОВА

НОТАРИУС

Екатерина Сереброва

Нотариус

«Издательские решения»

Сереброва Е.

Нотариус / Е. Сереброва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742778-8

Нотариус — владелец маленькой фирмы — случайно получает крупного клиента, которому нужно помочь в довольно плёвом деле. Но смутные догадки посещают Александра, когда он понимает, что точно встречался с этим бизнесменом, но много лет назад и не при самых приятных обстоятельствах. Остапенко не успевает прийти к однозначным выводам, когда вдруг история с загадочным Коноваловым затягивает его все глубже, а шапочное знакомство вынужденно расширяется.

ISBN 978-5-44-742778-8

© Сереброва Е.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Нотариус

Екатерина Сереброва

© Екатерина Сереброва, 2024

ISBN 978-5-4474-2778-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Саш, ты на машине? – суетливо вопрошал мужской голос в мобильнике. Звонящего что-то беспокоило, но сразу переходить к делу он обычно не спешил.

– Ну да, как и всегда, – напрягшись, ответил Саша, привыкший сразу переходить к делу, говорить прямо и четко, а не размусоливать.

– Отлично, – выдохнули в динамике телефона. – Саня, будь другом, а, доставь мое извещение адресату?

– А сам чего? – неохотно уточнил Александр, степенно перебирая на столе бумаги – он часто занимал себя рутиной одновременно с нежелательным или скучным телефонным звонком. На экране монитора перед ним был разложен карточный пасьянс, что было куда интересней, и Саша уже мысленно сыграл в партию. Не терпелось воплотить полученные ходы. Время близилось к концу рабочего дня, а он ненавидел отвлекаться на чьи-то звонки, будучи одной ногой дома.

– Теща просила на вокзале встретить! А адресат загородом, мне не успеть! – разгоряченно тараторил звонящий. – Пожалуйста, Санька, выручай! Запилит ведь змея, если опоздаю, а жена потом вообще на месяц надуется. Вручишь извещение – и свободен. М-м?

Приятель все бы и тарахтел, пока не добился б своего. Саша знал, что проще уступить и помочь, чем объяснять, почему он, нотариус, не имеет права делать работу за судебного исполнителя. Доставлять извещения должникам – не криминально, но, тем не менее, всегда можно нарваться на бдительного и въедливого гражданина, который, несмотря на имеющиеся у него долги, начнет качать права и требовать наказания для него, Александра, нарушившего должностную инструкцию.

Но сегодня отчего-то Саше было все равно. Он устал от звука включенного кондиционера, не спасавшего от взмокшей рубашки, и мучительно хотел домой, в прохладу от треклятой духоты и жары.

– Ладно, – наконец, ответил Александр. – Будешь должен. Как передашь мне?

– Я завезу, Сань. До вашего офиса ведь мне близко, – заверил собеседник, явно обрадовавшись выигранному предприятию. – Спасибо!

И вправду, через полчаса приятель со странной фамилией Сковорода подвез необходимую документацию и растворился, даже забыв очно чего-нибудь пообещать за это Александру. Нотариус несильно и обиделся: лесть и заведомый обман он чуял за версту и не любил пустых заверений, а со Сковороды редко, что дельного можно было стребовать. Исключительно по старой университетской «дружбе» Саша по привычке общался, да иногда вот выручал его. Никаких совместных дел или увлечений у них давно не имелось.

Саша неторопливо собрался незадолго до официального закрытия своей конторки – клиентов все равно не было, глухо, как в танке. С неудовольствием натянул на влажную и совсем не свежую рубашку пиджак, поправил галстучек. Захватил дипломат, аккуратно, но быстро сунув в него извещение, перед уходом подошел посмотреть в зеркало. Педантично заправил за уши волосы и обтер шею – Саше не нравились длинные, до плеч волосы, особенно в жару, но так любила жена, и приходилось мириться. Критично присмотрелся к себе: да уж, пожалуй, старовато он выглядел для своих тридцати трех. Седые виски, морщины у глаз и одна большая, залегшая на лбу между глаз. С тенями под глазами и вялым видом из-за бессонницы летом справляться было, в целом, несложно – солнечные затемненные очки исправляли положение, по крайней мере, на уличных встречах. Да и в помещении при дневном свете при умелой улыбке Александра и хорошей способностью вести с человеком беседу, располагать к себе он умудрялся скрывать недостатки внешнего вида. Но уже всерьез боялся, как бы не пришлось уподобиться жене и не начать делать масочки для лица.

Представив себя облепленного огурцами, Саша усмехнулся и покинул кабинет. На выходе из офиса он оставил несколько распоряжений своей секретарше в приемной и неторопливой, почти сонной походкой успешно вышел из здания.

Александр Остапенко был юристом всю свою сознательную, но далеко не беззаботную и простую жизнь. Чего с ним только ни происходило, в каких передрыгах Саша, вовсе не по своей воле, успел побывать! Последние года три все было спокойно и, казалось, судьба смиростивилась над Остапенко: долгожданная тихая, мирная работа без лишней беготни по судам, да с извещениями, собственное руководство, грамотный небольшой персонал, с которым комфортно и беспроblemно сотрудничать. В семье тоже было все хорошо, подрастала дочь-подросток. Но злой рок настиг на сей раз любимую жену Александра, Нину: у нее проявились признаки сахарного диабета. Болезни не смертельной при качественном и регулярном лечении, однако новость, естественно, всколыхнула их семью, но Нина умудрилась и сама не расклеиться, и домашним не дала пасть духом.

Словом, несмотря на это удручающее обстоятельство, Саша полагал, что его жизнь протекала более-менее плавно и стабильно. Как у большинства нормальных людей, занятых простыми каждодневными делами и заботами. Остапенко давно знал, что каким-то образом выделяется из данного ряда, не мог только понять, за что и почему, но все же очередная напасть Александра бы не удивила. Он не ждал чего-то особенного, Боже упаси, во всяком случае сознательно. Саша смирился с такой жизнью, где главным принципом и целью непроизвольно стало: быть начеку. Постоянно остерегаться, а не рванет ли где мина, как в прямом, так и в переносном смысле. Поэтому даже то спокойствие, которое было с Остапенко в этот период жизни, было зыбким и не вполне правдивым. У Александра болела жена, а он, иногда жутко себя за это коря, порой допускал мысли: не ровен час, как и самого схватит очередная неприятность. Словно сам факт болезни близкого человека для него ничего и не значил. Что, конечно, было совершенно не так. Но предчувствие некоего более крупного события неумолимо следовало за Сашей.

И обострилось оно, правда, пока незаметно, сразу после звонка приятеля. Остапенко уже приближался к загородному дому, где проживал должник – адресат для извещения, когда предчувствие усилилось. Сердце вдруг ускорило темп, руки вспотели. Александр удивленно поморгал несколько раз, надеясь сбить тревогу, но не помогло. Он осторожно припарковался у высоких ворот обозначенного дома и медленно вышел из своего старенького Форда. Сразу пахло елью, кедровыми орешками – весь коттеджный поселок находился рядом с лесной зоной. По сухому гравию Остапенко потопал вперед.

Форма кнопки звонка была причудливо необычной: сердце, обвитое змеями. До него пришлось тянуться, встав на носочки. И это вовсе не Александр был такой низенький – видимо, здесь просто не любили незваных гостей. Пальцами теребя дипломат, он как-то беспричинно волновался, хотя встречи с людьми самого разного социального положения были для него делом каждодневным и не особо хлопотным.

Как только трель от звонка прозвучала, дверь сразу и открылась. Вот так внезапно, без дополнительных проверок, выяснений, кто он, и что ему нужно. Остапенко одеревенело прошел за ограду, ворота за ним моментально закрылись. Опасливо озираясь, словно в ожидании волка из сказки о Красной шапочке, прижимая к себе дипломат, он медленно двинулся к дому. Завидев пожилого швейцара, приветливо распахнувшего дверь, Александр чуть подуспокоился: одна живая душа тут определенно есть.

Фасад двухэтажного коттеджа не притягивал особого внимания: средних габаритов, кирпичный, стандартный на вид дом. Во дворе Саша успел заметить лишь беседку и несколько экзотических растений, кустов – внешним обустройством явно никто специально не занимался. Или делал это, но довольно давно.

Между тем, швейцар пропустил Остапенко через порог и только затем, без предисловий, задал резонный вопрос:

– Что вы хотели?

– Я от судебного пристава, мне нужно передать извещение, – Саша замешкался, мысленно укорив себя за то, что даже не удосужился глянуть фамилию адресата, уловив только адрес. Обычно дисциплинированный и собранный он сбился из-за этого странного, нависшего предчувствия, сильно самого себя расстроив из-за такой пустяковой невнимательности. Пришлось срочно рыться в дипломате и доставать бумагу, пока швейцар терпеливо ожидал. – Коновалову, – мельком прочел Остапенко.

– Семёну Викторовичу или Илье Семёновичу? – сухо уточнил мужчина.

– Ох, простите, – вздохнул Саша, нервно теребя бумагу и посмотрев в нее вновь. – Семёну Викторовичу.

– Как вас представить хозяину?

– Александр Петрович, – коротко сказал Остапенко, досадуя, что еще и забыл назваться. Похоже, единственная его сегодня неприятность – оплошать и выглядеть полным дураком. Да еще и неуклюжим и сонным. Не помешало бы выпить кофе! А то с концентрацией настала совсем беда.

Швейцар засеменял, попросив Остапенко переждать в прихожей. И Саша только сейчас заметил, что внутри домик гораздо симпатичнее. Зеркальный потолок в коридоре, идеально белая, полупрозрачная плитка на полу – интересно, но как-то пугающе. Куда ни глянь – всюду твое отражение... Справа от Александра была чуть приоткрыта дверь и, судя по запахам, звукам оттуда и освещению, скрывала она крытый бассейн. Мысль освежиться мгновенно заполонила все сознание Остапенко. Он и о кофе позабыл, мечтая теперь о чем-нибудь холодном. Можно просто слегка растопленный лёд... Духота в тесном костюме была совсем невыносимой, но, на благо, в прихожей была хорошая вентиляция, отдавало приятной прохладой.

Коридор был, казалось, бесконечным – плохо просматриваемым, к тому же, и не полностью освещенным. Нельзя было из прихожей точно определить площадь коттеджа и предположить, сколько в нем комнат. Стояла полнейшая тишина, и только по легкому скрипу от туфель швейцара Александр понял о его приближении. Правда, вернулся тот уже не один. Из глубины показался вдруг и второй мужчина, очевидно, хозяин. В домашнем халате и мягких тапках – потому и бесшумных.

Хозяин приближался размеренно и неторопливо, что дало возможность рассмотреть его. Высокий – немного выше ростом Александра, статный, подтянутый мужчина средних лет, с узким разрезом темно-зеленых глаз, прямым носом и тонкими губами. Причем, если Саше во избежание появления «пивного животика» не приходилось специально заниматься спортом (хотя он и занимался) – тот был худ от природы, то Коновалов действительно за собой следил. Семён Викторович был скуп на эмоции и жесты, лишних движений не допускал, но и в походке было сказано многое: хозяин здесь однозначно он.

Приблизившись, наконец, к Александру, Коновалов едва заметно склонил голову в знак приветствия и вопросительно уставился на него. Остапенко снова тормозил, но вовсе не от неловкости или забывчивости: лицо Коновалова было ему знакомо. Да только где, при каких обстоятельствах, и когда они могли встретиться – вариантов было масса, чтобы сходу найти верный.

– Вы сказали, у вас ко мне извещение? – вежливо уточнил Семен Викторович, поняв, что собеседник испытывает затруднения. Верхняя губа его слегка дернулась, в холодных глазах проскочило нечто вроде надменности и неприятия.

– Ах да, конечно, – качнул головой Саша, протягивая бумагу. Следовало взять себя в руки и поскорее. – Мой знакомый попросил его подменить и заехать, вручить вам. Вы не против, что это делаю я? Вот мои документы, – он показал водительские права. – Я тоже юрист.

– Мне, честно говоря, без разницы, – сухо пояснил Коновалов. – Давайте, я возьму. Вам расписаться?

– Да, если можно, – кивнул Остапенко, радуясь, что клиент попался дотошный в том смысле, что сам проявлял инициативу и не отказывался сотрудничать. Далеко не каждый получал извещение на уплату алиментов столь хладнокровно и добровольно.

Александр закопался в дипломате в поисках ручки. Коновалов только чуть взглянул на все еще стоящего позади него швейцара, как тот лихо извлек ручку откуда-то из кармана и протянул хозяину. Остапенко вконец засмутился, пристыженный своей внезапной беспомощностью.

– Простите, обычно я более собран, – пробормотал Саша, не выдержав мук совести.

Коновалов взял документ и расписался. На фразу Александра он не среагировал и почти ушел, как внезапно остановился, странно посмотрев на нотариуса. Словно тоже его признал. Что-то вызвало его интерес.

– Со всеми бывает, – промолвил Коновалов, глядя будто бы не на Сашу, а сквозь него. – Трудный день?

– В том-то и дело, что нет. Просто какой-то... неуклюжий, – выразился Остапенко.

– Может, желаете чего-нибудь выпить? – неожиданно предложил Коновалов. – Я, признаться, не был готов к посетителям или гостям, – он, извиняясь, развел руками, показывая на свой домашний вид, – но мне следовало бы сразу вам предложить. Вам ведь наверняка далеко возвращаться в город, выпить не помешает.

Он уговаривал Александра остаться, и это было более чем странным. Но жара стояла такая, что Остапенко и не подумал отказаться.

– Я бы выпил чего-нибудь холодного и безалкогольного.

– Лимонад? – даже улыбнулся Коновалов, будучи сама любезность.

– Подойдет, – скромно улыбнулся и Остапенко.

– Жора, сделайте, – бросил тот своему швейцару через плечо. – А вы, Александр Петрович, пройдите. Отдохнете немного.

К удивлению Саши, Коновалов провел его по дому через весь первый этаж, почти до конца коридора. Где они вошли в узорчатые двери и оказались в маленькой, но уютной обеденной комнате. Семен Викторович усадил Сашу за стол, сам устроился напротив и смотрел на него как-то уж слишком загадочно и подозрительно, но без особых видимых эмоций. Остапенко опустил глаза, занявшись разглядыванием стола: внутри него плавали будто бы живые (или вправду?) рыбки, несколько ракушек, один коралл... чудо, а не стол! Прозрачный, стеклянный и дивный. Полки на стенах были заставлены статуэтками кораблей, большими и маленькими, в банках и без. Всюду висели и ожерелья из ракушек, крабов – в общем, сплошная морская живность.

– Люблю море, – поделился Семен Викторович. – Знаете, даже в детстве капитаном корабля мечтал стать.

– Стали?

– Куда уж там, – вновь улыбнулся он. – Нет, я бизнесмен. Мои компании не связаны с морем, к сожалению. Вы совсем ничего обо мне не слышали?

– Слышал, – припоминал Саша, медленно кивая. – Но урывками. О ваших делах я знаю мало.

В комнату неслышно и как-то незаметно прошла горничная, быстро поставила перед мужчинами по два бокала: Александру – с обещанным лимонадом, Коновалову – с жидкостью темного цвета, наверняка чего покрепче. Также она подала блюдо с фруктами и отдельно – с овощами. И столь же стремительно, бесшумно удалилась. Коновалов ни разу на нее не взглянул. Изумленный Саша молча отхлебнул напиток – холодный лимонад его взбодрил.

– Но уже успели подумать, почему такой богатый человек, как я, так по-хамски отказывается платить алименты, – саркастически протянул Семен Викторович в отношении себя.

– Ну что вы, – попытался помотать головой Остапенко, да так в неопределенности и застыл.

– Ладно вам, это ведь логично, если посмотреть с вашей позиции, – хмыкнул он. Глаза Коновалова смеялись. Он умело располагал к себе напускным простодушием и откровенностью. – Я банально о них забыл, об алиментах, верите?

Саше было все равно, но ради приличия он кивнул, поведя плечом.

– Столько дел, забот за последние два месяца, что и неудивительно, что долги сыну накопились, – объяснял Коновалов. – Недавно восемнадцать исполнилось – уж конечно, впору мне подсуетиться, когда их потом отдавать? Александр Петрович, можно посоветоваться с вами как с юристом?

– Разумеется, – согласился Остапенко, не находя в просьбе ничего предрассудительного. – Постараюсь помочь, чем смогу.

– Не подскажете ли мне хорошего нотариуса?

– Я и есть нотариус. У меня своя маленькая фирма.

– Опыт у вас большой? – скорее для проформы, чем из реального беспокойства спросил Семен Викторович. По прищуре его глаз Александру становилось ясно, что Коновалов по какой-то причине им заинтересовался.

– Да, разумеется.

– Не могли бы вы в таком случае оказать мне услугу? Не бесплатную, естественно, – льстиво улыбнулся Коновалов и прищурился, делая глоток своего напитка. При этом мизинец правой руки, в которой Семен Викторович держал кружку, был по-аристократски оттопырен. Что в очередной раз подчеркнуло их с Сашей статусное различие, которое, впрочем, как раз волновало нотариуса меньше всего.

Все его поведение, тон, резкие перемены с брезгливого и презренного к нейтральному, а теперь и благодушному отношению и явно несвойственная гамма эмоций, которые он тщательно, будто по заказу, использовал и применял, наводили Александра на мысли о кроющемся подвохе. Странное ощущение от встречи с Коноваловым и не думало проходить, но что конкретно Остапенко мог предъявить ему? Свои опасения, не подкрепленные фактами? Саша ведь толком и биографию этого бизнесмена не знал, и за светскими новостями никак не следил.

Что же было не так, кроме самого его присутствия в богатом доме, где такие как Александр могли побывать разве что в роли прислужника, водителя или охраны? Но нет, он был нотариусом локального значения, без особых регалий, и распевал лимонады с Коноваловым, плетущим вокруг него свои сети.

– Конечно, Семен Викторович, пожалуйста, – наконец, изрек Александр после всех своих недолгих раздумий. Если он сейчас согласится или хотя бы выразит надежду на это, то уж точно навряд ли отделается от Коновалова. – Приходите в офис в любое время. Летом с клиентами глухо, и я часто свободен.

– Видите ли, Александр Петрович, – он постучал пальцами по столу, выставя напоказ дорогой и фамильный, видимо, массивный перстень с каким-то ценным камнем. Саша был крайне далек от роскоши и в драгоценностях ничего не смыслил. Коновалов наклонился корпусом еще ближе к нему, будто собираясь сообщить нечто очень доверительное. Проницательный взгляд снова показался знакомым Александру, по спине прошлись мурашки. – Мое дело конфиденциально и деликатно. Вы располагаете временем? Я не задержу вас надолго, если вы позволите обрисовать вам ситуацию. Уверяю, вы не пожалеете в случае согласия, я щедро плачу тем, кто добросовестно выполняет свою работу. А вы, я уверен, ответственный и хорошо знающий свое дело нотариус.

– Я, несомненно, не могу сказать о себе иначе... – растерянно проговорил Остапенко. Он сверился с часами на руке: уже час, как его дома ждала жена. Но Саша все же предупредил Нину, что задержится, поэтому, пожалуй, в его распоряжении имелось некоторое количество времени, чтобы уже определиться, стоит ли вести с этим Коноваловым какие-либо беседы, либо отделаться от него насовсем.

– Я бы выслушал вас. Но у меня нет с собой ни бланков, ни иных документов, – сказал Саша, рассчитывая, разумеется, подготовиться чуть лучше. И... встретиться с Коноваловым не у него дома, а все же в офисе или любой другой нейтральной территории. Здесь Семен Викторович был слишком уж вольготно устроен. А Остапенко не любил находиться в заранее стесненных обстоятельствах.

– Я поясню вам суть, – настаивал, но мягко, умело Коновалов. – Не обязательно решать что-то сразу, у вас будет время обдумать.

– Позвольте узнать, но разве у вас нет своего юриста? – задал Александр логичный вопрос.

– Для этого дела мне легче нанять кого-то со стороны, – пояснил Семен Викторович, по-прежнему не сводя с Саши пристального, нервничающего его взгляда. От него отдавало холодом, несмотря на располагающую улыбку на устах. Данное противоречие порядком утомило, туманность и недосказанность сильно напрягали Остапенко. Прямолинейный, он не умел и не хотел продолжать этот странный, витиеватый разговор, но поразительным образом попросту не мог уступить Коновалову и уйти, не дослушав.

– И вы доверитесь незнакомому человеку?

– Вы производите впечатление юриста, которому можно доверять. Или я ошибаюсь? – вскинул бровь Семен Викторович. Его лицо вновь стало каменным, лишенным эмоций, глаза недобро сощурились.

Остапенко про себя ругнулся: опять Коновалов загнал его в тиски!

Вкрадчивый голос, пробирающий насквозь, лихорадочный блеск в глазах – все было знакомым, отдавалось неприятной пульсацией внутри. Саша давно не был ни робок, ни пуглив, иногда отличался скромностью, как вот сегодня, но чтобы слепо подчиняться кому-то, впадать перед кем-то в ступор – такого с ним быть не могло. Не после всего, что Александру довелось пережить.

Но Коновалов, ничего толком не совершив и не сделав, удивительным образом не просто нервировал, а вызывал у Саши озноб. Самые разные, противоречивые и взаимоисключающие друг друга чувства.

– Безусловно, можете, – кивнул Александр. – Но я хорошо все обдумаю, не стану давать вам гарантий на согласие, – сослался он, с трудом сохраняя себя спокойным, еле контролируя себя и свои страхи, так внезапно и некстати прорывающиеся наружу.

Семен Викторович кивнул.

– Мой сын занял крупную сумму денег у не очень добропорядочных лиц, – хищно ухмыльнулся Коновалов: Сашу невольно передернуло, хотя внешне он никак и не выказывал изменений, творящихся у него внутри. – Те оформили сделку с ним. Однако Илья был несовершеннолетним на тот момент, следовательно, она не имеет никакой юридической силы. Но представьте себе кредиторов, – он криво улыбнулся, разведя руками, – естественно, они найдут лазейку, чтобы содрать с него денег свыше долга, да еще выдать это законно. В крайнем случае при просрочке долг спишут на законного представителя Ильи – на меня, – Саша вскинул брови. – Да, сумма вполне мне по силам. Не думайте, что я не вступлюсь за сына, если придется. Но и отвечать перед бесчестными людьми за то, чего не совершал, я никак не намерен. Я хочу расторгнуть договор между ними и Ильей.

– А долг?

– С долгом Илья справится, – уверенно ответил Коновалов. – Уж лучше он сделает это, не завися от кредиторов никакими бумагами.

– Но, если вы и так, и так отдадите сумму, зачем бумажная волокита? – искренне не понимал Александр.

– Чтобы избежать дополнительных издержек, конечно же, – снисходительно пояснил Семен Викторович, вновь улыбаясь вполне радушно. – Заключить новый договор – Илья уже волен сам распоряжаться своими делами, но контроль не помешает.

– Понятно. Да, пожалуй, имеет смысл пересоставить договор. Но не уверен, хочу ли вмешиваться в ваши внутренние разбирательства...

– Не волнуйтесь, Александр, задача вполне безобидная. Просто я не желаю получить огласку – только и всего, – заверил Коновалов. – Мы и с вами заключим соглашение, если вы возьметесь. Предоставить вам копию заключенной сделки?

– Будьте любезны. Я бы ознакомился с ним дома.

– Как вам будет угодно.

Семен Викторович в воздухе щелкнул пальцами, и двери кухни раскрылись. На пороге образовался швейцар – как он умудрился услышать столь глухой звук? Не иначе был прямо под дверью! Саша был изумлен: при всей таинственности Коновалов допускал такие оплошности. То с горничной, то со швейцаром.

– Принесите из моего кабинета синюю папку, – небрежно бросил через плечо Семен Викторович, не глядя на своего служащего.

Тот с гордым видом развернулся и удалился. Не успел Александр и прийти в себя, как швейцар возвратился с нужными документами. Коновалов отдал Остапенко папку, на чем они и распрощались, обменявшись рукопожатием и скупыми улыбками. Саша от растерянности едва не споткнулся о порог, но, к счастью, вполне благополучно покинул дом.

Выбравшись к машине, он, наконец, облегченно выдохнул. Сел в салон, включил зажигание, заглянул в папку... В кровь ударил адреналин, и Саша с неким извращенным мазохистским чувством глубокого удовлетворения подумал: ну вот и оно. Новое рискованное дело.

Коновалов мирно попивал коньяк, не делая и попыток утолить свое любопытство. А ему было ой как интересно, как там Остапенко. Отошел ли от разговора? Унялось ли его волнение? Безусловно, Семен Викторович заметил состояние Александра. Но он был уверен, что тот пока не признал его, иначе реакция, конечно, была бы иной. Ратовать за победу и праздновать успех было рано, но кое-что прояснилось, и Коновалов не мог не признать этого, не возгордиться собой. Он потянулся в карман халата за телефоном и набрал хорошо знакомые цифры – адресат не был забит в телефонную книгу. Семен и без того отлично представлял, чей это номер, и что звонить ему стоит только по острой надобности. Как вот сейчас, когда появились положительные вести.

«Я нашел нотариуса, который все уладит...».

«Он подписался на твои условия?», – прозвучал строгий мужской голос – единственный, вызывающий у Коновалова трепет, близкий к страху, но позволяющий достойно держаться и отвечать на равных.

«Нет, пока он не полностью согласен. Но я знаю рычаги давления», – заверил он.

«Найди более сговорчивого», – полуприказ, полупрострба.

«Нет, именно нам он нужен».

«У тебя мало времени», – акцентировал тот.

«Да, я справлюсь и очень скоро. Он – хороший специалист. И немного мне обязан. Так что сделка почти состоялась».

«Действуй», – коротко одобрили Коновалова, и отключились.

Семен Викторович откинулся на спинку стула и, довольно прищурившись, сложил руки в замок перед собой. План вырисовывался хороший.

2

Саша раздумывал, браться ли ему за рискованное дело. Зацепиться в нем было, за что, и там вправду требовалось покопаться и разобраться. Пока внезапно в голову не пришел самый очевидный и простой вопрос: с чего вдруг крупному бизнесмену вообще интересоваться им, неизвестным нотариусом? Почему Коновалову было не обратиться в любое другое, но с обширной практикой и репутацией юридическое агентство?

Допустим, он действительно не желает огласки – оно и понятно. Однако все равно многое не сходилось: при необходимости можно выйти и на надежного, проверенного, *подкупного* юриста, малоизвестного в широких кругах, но довольно популярного в узких. Как раз в таких, в каких вращался Коновалов. Даже если он не хотел впутывать личного помощника. Да и что, в конце концов, такого уж особенного и загадочного в договоре, который не вызывал чрезмерных опасений? Понятно, что от «кредиторов» добра не ищут. Но в чем тут риск нотариуса? Ох и темнил Коновалов. Или перемудрил, или реально не договаривал. У его сына ведь даже срок выплаты не вышел (до конца оставалось более двух недель), с чего было волноваться заранее?

С другой стороны, так ли важны причины? Ничего компрометирующего в документах не было, совесть на сей счет Александра не терзала, он был готов выполнить условие. Да и заработать не помешало бы, ведь скоро выйдет его собственный срок выплаты аренды за офис, а клиентов и день с огнем не сыщешь.

Таких серьезных и крупных клиентов, правда, у Остапенко тоже никогда не было.

С неопределенными чувствами Саша вернулся домой.

На кухне их двухкомнатной квартирki дожидалась Александра его верная супруга Нина. То была худенькая, без выделяющихся форм, светловолосая, голубоглазая женщина с небольшой усталостью в глазах. Однако при виде мужа она тут же востепенелась, и былой живой блеск озарил ее, омоловив.

– Привет, Ромашка, – добро улыбунулся ей Александр.

Нина и в самом деле когда-то походила на цветущую ромашку: крапинки на носу, широкая улыбка, русые волосы – все это навевало на Сашу именно такие ассоциации.

Сейчас неожиданно свалившаяся болезнь не щадила женщину, ее худоба и бледность усилились, но Александр по-прежнему видел в супруге ту свою Ромашку, пышущую здоровьем и жизнелюбием.

– Как ты, милый? Устал? – тем не менее, заботливей Нина меньше точно не стала. Всегда думала прежде о муже и дочери, уже потом – о себе. – А я и ужин тебе разогрела. Как чувствовала, что ты на пороге.

Так вдруг захотелось прижаться к ней, обнять. Что Саша и проделал, присев возле Нины на корточки и склонив голову ей на колени. Как когда-то делал в детстве только с мамой. Но родителей с ним давно не было, а Ниночка, такая родная и невероятно мудрая, всегда с ним. Все его злоключения и горести она стойко выдержала и прошла вместе с Александром, поэтому сомневаться в ней у него никогда не возникнет мысли. Он шумно втянул в легкие воздух, касаясь щекой теплых ног Нины.

– У тебя что-то стряслось, Саш? – ласково спросила она, привычным движением запуская пальцы в его волосы. Эти бережные прикосновения дарили Александру небывалое успокоение, помогали забыться и уйти от тревог.

– Нет, родная, я просто заработался.

Все же нельзя было позволить себе совсем уж размякнуть, так что Саша поднялся и устроился за столом, проводя рукой по лицу, окончательно снимая отпечаток непростого завершения рабочего дня. Образ Коновалова до сих пор стоял перед глазами и не давал покоя, вводил в ступор.

– Покушай, – нежно проговорил Нина, улыбаясь.

Она передала мужу тарелку с супом. Александр послушно принялся ужинать, отмечая, что и вправду достаточно вымотался, чтобы позволить себе отложить все раздумья на завтра.

– Какая-то ты сегодня загадочная, – только сейчас он заметил, как искрились глаза Нины.

– Ничего такого, – пожала плечами она, но улыбка выдавала супругу.

– Нинуль, не томи. Что у тебя?

– Софочка приезжает раньше срока, – просияла Нина, давая эмоциям волю. – Она закрыла сессию.

Саша мысленно дал себе пинка: и правда, на календаре – июнь, а он и забыл! Их дочка училась в соседней области, в хорошем колледже на филолога. Конечно, выбор был странным, учитывая то, что и Нина, и Саша – юристы, но Софа всегда была самодостаточной и умницей, поэтому будущая профессия не смутила родителей, а, напротив, порадовала, пусть и вызвала сперва смешанные чувства у обоих.

Софья приезжала, разумеется, домой не только на каникулах, но порой не чаще раза в месяц, а то и того реже. Александр со своими бесконечными проблемами никогда не замечал пролетевшего срока и долгой разлуки, чего не скажешь о Нине, трудившейся обычным юрисконсультантом в госучреждении, где не знала особых забот и работала четко по графику. Все равно Саша, несомненно, не меньше супруги ждал возвращения Софы, всякий раз при мысли о дочке с трепетом сжималось сердце: свою малышку он очень любил.

Новость о скором приезде приятно взволновала и Александра.

– Может, вам вдвоем махнуть на море? Наша девочка уже закончила второй курс и заслужила развлекаться, – предложил он с энтузиазмом. – Да и ты отдохнешь...

Глаза Нины потускнели. Саша мысленно прикусил себе язык.

– Хорошая идея, – качнула головой жена. – Но мы только зря потратим деньги, – она силилась улыбнуться. – Может, втроем рванем в деревню к бабушке и дедушке? Мы давно у них не были, – с былой живостью продолжила Нина. Александр колебался и не знал, как сказать о своих сомнениях жене, боясь обидеть ее. – Ненадолго, милый, всего на недельку. У тебя все равно не сезон для клиентов, возьми паузу.

– У меня есть небольшое дело, – подумав, ответил Саша. – Но, пожалуй, ты и права. Я поскорее закончу – и вперед.

Идея показалась ему заманчивой и не такой уж несбыточной. В конце концов, офис без него не развалится, небо не рухнет, срочные заказы не завалят его секретаршу.

Саша уже поел, и они с Ниной переместились в гостиную, где расположились на диване в обнимку у телевизора. Главными, конечно, были не картинка и звук, а их духовная близость в этот момент. Будь телевизор выключен, они легко обошлись бы и без него. Поразительно, но за столько лет брака, а поженились супруги более пятнадцати лет назад (почти что сразу со школьной скамьи), они не утратили друг к другу интерес, не перестали заботиться, слушать и слышать, советовать, обсуждать важные вопросы, любить... Просто потому, что уже много раз были на грани серьезных потерь – словом, семья прошла на прочность не одно испытание прежде, чем Нина и Саша осознали, что разделяться им ни в коем случае нельзя. Быть вместе – уготовано судьбой. Вынужденное долгое расставание непременно приносило много волнений и страданий у одного за другого.

Вот так полежать вдвоем в полнейшем молчании – было воистину ценным.

И, как ни странно, редко.

После просмотра вечерних новостей – единственное, кроме любимого обоими биатлона, затихшего на летний период, что действительно притягивало внимание чету Остапенко – они отправились спать. Обычно дочке доставалась на ночлег гостиная, а родителям – отдельная комната, хотя Саша и Нина готовы были обменяться для повзрослевшей Софы, но та сама

решила эту проблему: после девятого класса нашла себе колледж, предоставляющий общежитие.

Спал Александр плохо. Без конца ворочался. Подремать недолго удалось, но потом Сашу внезапно настигли кошмары, периодически проявляющиеся, но относительно подзабытые на некоторое время.

Обычно снилось Александру одно и то же: взрывы, крики – ничего конкретного, лишь смазанная картинка военных действий. Но сегодня... вернулось то, с чем он как раз-таки боролся довольно долго. И повторения которого боялся до дрожи. Тот страх, что въелся Саше в подсознание, впитался в кожу липкими когтями, заставлял испытывать всепоглощающее чувство вины, от которого не было спасения. Время не излечило эту зияющую рану. Оно подтерло детали и следы, но ничто так и не затмило событие насовсем.

Остапенко успел подзабыть о нем настолько, что даже вот не узнал главного виновника – Коновалова.

Юный Александр томится в конференц-зале, пока депутат Михаил Давыдян, в чьих помощниках значился Саша – студент-пятикурсник, и его коллеги беседуют в кабинете за стенкой. Деловые переговоры давно, плавно перешли в фуршет, но Остапенко не может себе позволить взять и уйти домой, не предупредив босса. Поэтому он вынужден торчать тут, в душном зале и махать на себя бумагами на манер веера – нестерпимая нынче установилась жара. Саша выходит оттуда в коридор – заpastись кофе из автомата, глотнуть хоть чего-нибудь, но добегают до него и вдруг спохватывается: сумка с кошельком осталась в зале!

Остапенко неуклюже несется, скользя по полу, обратно, но у самых дверей застывает. Там кто-то негромко копошится. Однако посторонних быть не должно. Саша тихо заглядывает в щелочку: и в самом деле, у столика с графином воды возится какой-то важный мужчина в костюме. Александр отходит чуть вправо, и ему становится видны действия незнакомца: тот вытрясает из колбочки содержимое. Сыпучее, белое. Он поднимает графин и собирается внести его в кабинет к шефу. Саша безошибочно чувствует угрозу и врывается в конференц-зал.

– Эй, вы кто такой?

Незнакомец весьма представительного вида недоуменно оборачивается. Прямая осанка, острый, пронзительный взгляд – мужчина не из посторонних и не чужак, он явно знает, зачем и к кому пришел. Александр слегка теряется: а не слишком ли он груб? Мало ли, депутат какой! Саша вжимает голову в плечи и почти бормочет извинения, но передумывает – мужчина сам себя выдает. Его губы растягиваются в самодовольной, насмешливой улыбке, а глаза лихорадочно, никак не осмысленно, блестят. Остапенко в смятении и шоке: что за безумец перед ним? В руке графин, а второй рукой незнакомец тянется к ручке, чтобы все-таки войти внутрь.

– Стойте, – голос Саши неожиданно тверд.

– Вы это мне? – отзывается тот. С притворным удивлением, но таким властно-надменным и одновременно оскорбленным тоном, что Александр снова растерян, непроизвольно шагает назад. – Молодой человек, идите, куда шли, – наставительно говорит он. – Им, – мужчина кивает на дверь, – сегодня вы уже явно не понадобится.

– Вы что-то подсыпали, – нерешительно, но все же упрямо тянет Саша.

– Вот как, – склонив голову набок, манерно произносит тот. Удивленно рассматривает лицо Александра, наверное, с минуту. Потом отводит в сторону край пиджака, из внутреннего кармана поблескивает что-то вроде шприца.

Саша не успевает и охнуть, только замечает, как свирепо лицо незнакомца, как явственно читается угроза, которую он непременно исполнил бы, если б не появившийся из коридора охранник. Мужчина молниеносно и вроде как по неосторожности роняет графин, тот вдребезги разбивается, осколок отлетает ему в висок.

Саша ошарашенно смотрит, не шевелясь.

Охранник подбегает к неудавшемуся отравителю и выглядит перепуганным.

– Ох, Семен Викторович, что же вы! Помощь нужна? – спохватывается он, нервно мельтеша перед мужчиной, очевидно, не зная, что и делать. Лишь машет руками, явно боясь самому проявить инициативу.

По лицу Семена Викторовича, который, не мигая, продолжает буравить взглядом Сашу, стекает тоненькая струйка крови. Но он не только не торопится избавиться от ранки, а даже и не морщится. Потом медленно убирает стекло, откидывая в сторону, словно назойливую муху, бросает короткий, полный отвращения взгляд на охранника.

– Не беспокойтесь. Приберите здесь, – сухо кидает он, резко развернувшись и зашагав на выход.

Охранник сияет, будто ему дали премию, а не приказали убираться.

– Вот же чудной, – почти любовно произносит тот, принимаясь собирать осколки голыми руками.

Только сейчас оцепенение сходит с Александра. Он запоздало думает, что, наверное, нельзя трогать этот разбитый графин, но охранник до того увлечен своим занятием, что уже поздно предупреждать. Тяжелый груз оседает в сердце Саши, и он чувствует, что ничего не кончено.

А утром следующего дня Александр по своему обыкновению сопровождает Давыдяна, окруженного парой-тройкой телохранителей. Они поднимаются на крыльцо Администрации, Саша преисполнен новыми задачами, что его ждут, Михаил Самсонович слегка хмурится: у него болит голова. Остапенко сочувственно подумывает о том, не послать ли кого в аптеку, или не сбегать ли самому, как вдруг... Резкий звук выстрела, пуля свистит где-то прямо над ухом Саши, ему на доли секунд даже кажется, что он видит ее полет. Она беспрепятственно достигает лба Давыдяна – две могучих фигуры не в силах закрыть шефа. Вскрикнув, он намертво падает на ступеньки. На секунду его взгляд фокусируется на Саше, в шоке уставившегося на своего босса, которого только вчера уберег от яда, а затем глаза Михаила Самсоновича моментально стекленеют. Гримаса ужаса навсегда застывает на его всегда улыбчивом, но не на сей раз, лице.

Первыми отмирают телохранители: один, оттесняя Остапенко, кидается терзать депутата, второй – бросается на поиски убийцы, раздает указания по рации. Александр все стоит на месте и с открытым ртом смотрит на своего шефа. Он думает: неужели этот полноватый, добрый и веселый человек, всегда ободряющий его, Сашу, относящийся к нему с теплом, почти по-отечески, больше никогда не пошутит, не похлопает по плечу? Не заведет разговоров об Армении, откуда был родом?

Много-много воспоминаний проносятся у Александра в ту минуту, пока остальные суетятся вокруг. Прибывает скорая, и кто-то уводит Остапенко подальше, тормозит, что-то спрашивает, он лишь беспомощно и безвольно оборачивается раз за разом на тело Давыдяна. Только когда труп уносят, Саша отстраненно подмечает: а голова-то у шефа больше точно не заболит.

Александр, весь в поту, резко сел в постели. Вот он и вспомнил Коновалова. Моложе лет на десять, но не настолько, чтобы не узнать. Саша выпустил из груди глухой стон и откинулся обратно на подушку. Ну почему, почему сейчас? Почему этот мерзавец объявился тогда, когда жизнь Остапенко и его семьи текла в мирном и спокойном русле? Когда страх из прошлого оставил Сашу? Когда мертвые глаза шефа смешались с другими, перестав причинять боль и вызывать вину?

Остапенко повернулся на бок и, крепко зажмурившись, сжал зубы, чтобы не закричать, не завывать от отчаяния. Не разбудить, конечно же, Ниночку, которая пережила все горести вместе с ним.

Утром Александр, несмотря на возобновившиеся ночные кошмары, был бодр и твердо настроен разорвать все обещания, данные, должно быть, в полубреде (как можно было не узнать его, как?!). Он едва дождался, чтобы можно было приехать в офис без дополнительных вопросов и подозрений, к пол восьмому утра, и уже у себя в кабинете, изнемогая от ожидания, ровно через час, посчитав время достаточно удобным, Саша набрал номер врага.

Ответили ему сразу.

«Подумали над моим предложением?» – без вступлений начал Коновалов.

«Да, и я отказываюсь», – небрежно бросил Остапенко, желая поскорее закончить с ним всяческий контакт.

«Что же побудило вас? – если он и был удивлен, то скрыл это. – Вчера вы были настроены положительно».

«Настал новый день», – буркнул Александр, наплевав на бестактность и нарушение деловой этики.

«Мне нужно забрать у вас свои документы, – безапелляционно сказал Коновалов сухим тоном. – Где я могу это сделать? Подъехать в ваш офис?».

Саше было странным не получить ни единого упрека в ответ, но он затолкал свои сомнения поглубже: пусть бизнесмен думает все, что угодно, и делает тоже, но помощи от Остапенко он не дождется. Как и конструктивного диалога. Да что за вздор, в самом деле, разговаривать с несостоявшимся отравителем Сашиного босса, убитого на следующий же день? Александр не верил совпадениям. И уж точно никогда не сомневался в причастности Коновалова. В той истории было много белых пятен, в которых Остапенко побоялся разобраться десять лет назад, нарочно не просматривая материалов газет, пропуская мимо ушей все слухи и новости о смерти шефа. Ворошить все это сейчас тем более не входило в планы Саши. Так что Коновалов, кем бы он ни был, отвращал его одним только фактом своего присутствия.

Приглашать человека, из-за которого вся жизнь Александра, пошла наперекосяк, было бы верхом безумия.

«Нет, давайте выберем нейтральную территорию. Вам нужна конфиденциальность, мне – тоже».

«Кафе-бар „Вестерн“ вас устроит? Людное место, мы там затеряемся в толпе, – предложил Коновалов с едва слышимым ехидством. От былой вежливости и любезности не осталось, казалось, и следа. – Давайте сегодня в семь вечера. Не затягивайте со встречей».

«Устроит», – в этом Саша был с ним солидарен, так что спорить и не пришлось.

Весь рабочий день Александр провел как на иголках. Беспокойная ночь дала о себе знать: он раздражался от любой мелочи, начиная от кружившей по офису мухи и заканчивая забывчивостью секретарши, заводился вполоборота. Несколько чашек с кофе ненадолго уладили его беды, дали возможность принять двух клиентов с их завещаниями. Но потом Саша вновь зверствовал, нагрубив одному старичку, нахамив по телефону потенциальным партнерам... Словом, голова его была забита. В столе лежал подготовленная к отдаче синяя папка, и именно она, а не физическая усталость и недосып, тревожила Александра и не давала сосредоточиться.

К вечеру, тем не менее, Остапенко сумел привести себя в порядок. Нельзя было вновь поддаваться влиянию Коновалова и его дешевых уловок, представлять перед ним неуклюжим наивным простачком. В общем, приняв пару успокаивающих таблеток, добытых напуганной секретаршей, Саша отправился на встречу вполне хладнокровным, собранным и, как никогда, настроенным сурово, но мыслящим при этом ясно и трезво.

В кафе-баре собралось и вправду много народу. Оглушающе гудела музыка, оживленно болтали за столиками люди, суетливо сновали между рядов стройные официантки в переднич-

ках. Александр огляделся и безошибочно двинулся в сторону барной стойки, где еще со спины, сразу же определил Коновалова. В этом простецком заведении этот бизнесмен (убийца!) смотрелся, как бельмо на глазу. Помпезный, шикарный, так и кричащий своим видом о богатстве и власти Коновалов не сошел бы даже за хозяина данного кафе – чересчур мелко для него. Но посетители не особенно поглядывали на «белую ворону», да и бармен со скучающим видом протирает стаканы прямо у Коновалова перед носом.

Саша уселся рядом с ним на высокий стул и молча протянул папку. Коновалов удивленно вскинул брови, собираясь отчитать его, но ничего так и не сказал, а быстро припрятал ее за пазуху своего пиджака.

– Могу я узнать, что же произошло за вчерашний день или ночь? – протянул он, настойчиво пытаясь заглянуть Саше в глаза. Александр не сдержался и посмотрел в ответ, забыв утаить нарастающую злобу. Этот полумеханический голос Коновалова проникал под самую кожу – его было слышно при любой обстановке, как сейчас, при громящей музыке чуть ли не прямо над их головами.

– Я не стану приниматься за ваше дело, прошу извинить, – процедил Остапенко, вынужденный напрягать голос: у него таких чудодейственных средств, как у Коновалова, не имелось. – Возникли неотложные обстоятельства.

– Понимаю... Ваша жена больна сахарным диабетом, вам не до моих мелких неурядиц, – будничным тоном сообщил Коновалов, отвернувшись от Саши.

– А это вам откуда известно? – теперь уже Александр вынужденно склонился и ловчился поймать его взгляд.

– В поликлинике, в очереди случайно услышал, – Саше подурнело от его тона. Коновалов помолчал, видимо, давая Остапенко возможность ответить. Но Александр и не нашелся, что сказать. – В чем ваша истинная причина отказа? – ухмыляясь, уточнил тот.

– Чего вы хотите? – насторожился Саша.

– Всего лишь помощи в оформлении пары бумаг.

– При чем тут моя жена? – все сильнее хмурился Александр, теряясь в догадках.

– Нина Борисовна нуждается в лечении и отдыхе, – продолжал Коновалов. – А у меня есть хорошие специалисты, которых я и хотел вам порекомендовать, оплатить их услуги и со всеми договориться в обмен на вашу сговорчивость и оперативность. Жаль, что вы приняли поспешное решение, но не упомянуть о преимуществах соглашения, я не могу.

– Плата непомерно большая, – пробормотал Саша, лишь бы что-то сказать. Он действительно заинтересовался предложением для Нины, но не настолько, чтобы забыть, *кто* такой Коновалов.

– Я не скуплюсь ради хорошего дела.

– Я вынужден отказаться, – процедил Александр, повторяя слово «отказаться» как мантру.

– Напрасно, – вновь обольстительно продолжал запутывать его Коновалов. – В Германии отличный сервис, высокий уровень лечения. Нине Борисовне бы понравилось.

– Заканчивайте это, – строго прервал его Александр.

– Что – это? – притворно изумился бизнесмен.

– Ваши уловки. Не пройдет, – помотал головой Остапенко. – Я узнал вас.

– Видели в газетах?

– Мы виделись лично. Десять лет назад. И вы признали меня с самого начала – не отрицаетесь, – жестко отчеканил Остапенко каждую фразу.

– Интересно... Не просветите о деталях? – он, несомненно, издевался, но обстояло все иначе. Так, словно Коновалов и впрямь ничего не помнил.

– Издеваетесь? – вырвалось у Саши. – Вы пытались отравить Давыдяна, но у вас не вышло. А утром его застрелили, – кратко известил он его.

– Ах, как ужасно. Убийцу-то поймали?

– Да, насколько я помню. Всю вашу шайку, – мстительно проговорил Саша. – Вас только забыли.

– Вы несете нелепицу какую-то, – рассмеялся Коновалов. – Я не был связан ни с какими шайками.

Всего на миг Александр в задумчивости колебался. Но потом отбросил сомнения: нет, Коновалов всего-навсего искусно выгораживал себя и нагло врал. Что, впрочем, неудивительно для человека с его статусом.

– Ладно, мне все равно, – сдался Саша. – Просто заберите свои бумаги и оставьте меня в покое, – устало проговорил он. – Мне осточертело копаться в давних проблемах.

И тут Александр вытянулся, как струна: затылком он почуял беду. Похолодел, однако не испугался, не впал в ступор и не выжидал, не тратил времени на проверку своей интуиции. Дремлющие, но вовсе не забытые воспаленные инстинкты мигом скооперировались с рефлексами, определили скорость реакции и движений: Саша кинулся на Коновалова и повалил вниз за собой. В тот же момент прогремел выстрел, и пуля прошла по касательной, но все же задела плечо бизнесмена.

Коновалов стремительно оказался на полу. Саша ошалело хлопал глазами: впервые после войны не дали осечку болезненно обостренные рефлексy – он среагировал действительно на смертельную опасность, а не на очередной пустяк вроде бомбочек от дворовых пацанов.

К разочарованию или к счастью, а Коновалов вовсе не собирался умирать. От раны в предплечье, впрочем, и не должен был.

В баре, между тем, началась паника. Посетители всполошились: кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то, грубо толкаясь, отчаянно пробирался к выходу. Саша пробовал вычислить в толпе убийцу, но было слишком наивно полагать, что стрелявший останется на виду. Поэтому Остапенко, наученный горьким опытом, принялся заниматься тем, чем, в общем-то, ради такого человека, как Коновалов, и не был обязан, но собственные понятия и принципы о чести и долге твердили обратное. С горем пополам, через силу он совладал-таки с совестью и решил спасти своего врага.

К слову, бармен все еще застыл напротив них, добела сжимая пальцы на стакане. Похоже, он был на грани нервного срыва или обморока. Покосившись на растянувшегося на полу бледного Коновалова, стискивающего кровоточащую рану, уже пропитавшую кровью рукав черного пиджака, Александр рассудил, что бизнесмен в состоянии перетерпеть и еще немного. И в первую очередь Остапенко занялся барменом. Саша перегнулся через стойку, чтобы дотянуться рукой и ударить по щекам молодого парнишку. Лишь после этого он часто заморгал и очнулся, раскрыв рот и уставившись на Александра с неподдельным изумлением со смесью ужаса. Во всяком случае, произошедшее все-таки улеглось в его голове, и осознание наступило – а иначе бармена пришлось бы откачивать. Причем долго и упорно. А сподручной «шоковой терапией» Саша успел за свои недолгие годы овладеть в совершенстве.

– Эй-эй, парень, приди в себя! – убедившись, что бармен его слышит, командным тоном проговорил Александр, щелкая пальцами у того перед глазами. – Как тебя зовут?

– Игорь... – потусторонним голосом прошелестел бармен. Саша его не расслышал, но прочел по губам.

– Игорь, значит так, слушай меня внимательно. Мне нужно, чтобы ты вызвал скорую и полицию, – отчеканил Александр. Игорь по-прежнему смотрел на него туманным взором. – Игорь! – резко выкрикнул он, привлекая к себе внимание так необходимого сейчас бармена. – Выстрелы закончились, ты в порядке! – помахал Остапенко у него перед лицом рукой. – Но вот мой знакомый – нет! Нужно срочно вызвать помощь!

Бармен медленно закивал, отставив, наконец, кружку и принявшись рассеянно водить руками по барной стойке, видимо, в поисках телефона. Саша воспользовался бы своим, если б

не оставил его в машине. Давка у выхода тоже не ускоряла его действия. Остапенко очень не хотелось тревожить Игоря, ему было по-человечески жаль его и очень даже понятно, что тот сейчас испытывал, но выбора не было. Коновалов – не бессмертный, как бы ни хотелось его демонизировать.

– Д-да, я сейчас, – пролепетал бармен.

– Чего уж там, не торопись, – сорвалось с языка Саши, когда он опустил на ноги обратно.

Игорь найдет мобильник – теперь можно было не сомневаться. Остапенко тяжело вздохнул, вновь бросив взгляд на Коновалова: тот стремительно бледнел и никак не выглядел лучше. Саша склонился над ним, чувствуя некую ответственность за его судьбу в данный момент.

– Живы? – участливо поинтересовался он.

Коновалов не ответил. Лишь нервно ухмыльнулся. Остапенко высвободился из своего пиджака, снял рубашку, быстрыми отточенными движениями порвал ее и скрутил лоскуты, чтобы затем наложить на рану незадачливого Коновалова. Печально вздохнув – рубашка была Сашиной любимой – Александр накинул пиджак обратно на голый торс. Потом вновь мельком глянул на бизнесмена и готов был поклясться, что увидел первую искреннюю благодарную улыбку от него. Ну неужели! А после произошло и вовсе немыслимое: Коновалов что-то хрипел, силясь высказаться. Был он очень настойчив, и Остапенко нехотя, но присел возле него, чтобы услышать раненого.

– Прошу... не отдавайся меня в скорую или полицию, – через силу проговорил тот.

Саша недоуменно вскинул брови: сначала эти его нелепые угрозы, теперь просьбы о сокрытии! Уму непостижимо! Как только хватало наглости манипулировать им даже сейчас, находясь на грани бессознательного?!

Однако вслух Александр никак не выказал своего гнева, а лишь сухо заметил:

– Дело за ними, Семен Викторович. Толпа рассосется, и они спокойно проникнут в здание, не волнуйтесь, успеют.

– Я не... не волнуюсь, что не успеют, – с одышкой протянул Коновалов.

Саша сжалился и раздобыл для него воды. Заодно убедился, что бармен свою задачу выполнил. Александр дал раненому глотнуть, и дело пошло чуть легче.

– Нельзя, нельзя мне светиться. Убийца меня настигнет.

Саша почесал подбородок: а и вправду.

– Прошу, дайте мне укрыться, – добавил Коновалов. – Ненадолго.

– Домой я вас не поведу, – поморщился Александр, представив, как этот истекающий кровью мерзавец предстанет перед его Ниночкой. – Но у нас есть дача...

– Пожалуйста, Саша, сделайте это, – из последних сил выдавил Коновалов, прикрывая глаза. – Я щедро награжу вас.

– Как быть с доктором? – проклиная себя за сердобольность, спросил Александр, не теряя времени на отказы.

– Вызовете через мой телефон. Главное, увезите отсюда.

Он-таки выдохся и отключился, не успев объяснить толком, как зовут доктора. Однако информация оказалась лишней: найдя мобильный в карманах у Коновалова (о котором он почему-то не догадался сразу), Александр прочел в адресной книге просто и незатейливо «Врач». Он связался с ним, не медля, коротко обрисовал случившееся и обозначил координаты, примерное время своего прибытия на место.

Остапенко вплеснул руками.

– Ну и втравили вы меня в историю! – с горечью воскликнул он. – Мама дорогая, во что же я влип, – досадливо покачал Саша головой.

С трудом подняв бесчувственного Коновалова, Остапенко потащил его на кухню – туда, где наверняка есть черный выход. Бармен Игорь неожиданно смекнул и проявил находчивость,

бросившись сопровождать их. Саша давненько не посещал спортивный зал и не обременял себя серьезными физическими нагрузками, за исключением пробежки, так что изрядно вымотался и успел пожалеть об этом, пока нес бизнесмена. Игорь помогал, но они вдвоем весили, кажется, и того меньше, чем раненый. Тем не менее, до машины Александра добрались без особых проволочек. Как раз к моменту, когда он закрыл заднюю дверь, скинув туда Коновалова, подъехала скорая. Где-то неподалеку неслась и полиция. Отсальтовав Игорю, Саша убрался с места происшествия.

Дача находилась далековато от города, но Александр несся сломя голову – на его памяти еще никогда он не позволял себе развивать такую скорость на своем авто. Удача им благоговела: ни единого поста ДПС, успешные маневры, отсутствие пробок – за двадцать минут путь был преодолен. Тогда как в обычное время и со средней скоростью Остапенко добирался до дачи час с лишним. Порадившись собственным скрытым ресурсам, Саша с облегчением припарковал машину, загнав ее в гараж – подальше от соседских пытливых глаз, и доволот бесчувственного Коновалова уже внутри, откуда, к удаче, имелся прямой выход в дом.

Таинственный врач прибыл точь-в-точь, Саша только успел устроить Коновалова на диване в мини-прихожей, как белый халат замаячил на крыльце.

То был тучный мужчина средних лет, с залысинами в волосах по бокам. Он оказался довольно пронырливым: протиснулся мимо Александра в узком коридорчике и безошибочно нашел раненого. Так, будто прожил в доме долгое время. Не успел Остапенко и слово вставить, как врач уже совершал с Коноваловым какие-то манипуляции: ощупывал пульс, готовил шприц и иного рода инструменты.

– Я... м...

– Попрошу вас не мешать мне и выйти, – тихим, но убедительно строгим тоном бросил доктор, не оборачиваясь.

– Может, вам что понадобится? – Саша, однако, не обиделся на грубость незнакомого, по сути, человека, а напротив, воспринял патовую ситуацию верно. Без пререканий и лишней суеты.

– Аптечка у меня с собой, – сказал доктор, кивая на свой мини-чемодан, пристроенный рядом. – Тазик с чистой водой, полотенца. Все.

– Будете доставать?

– Куда ж я денусь, – мрачно отозвался док.

Остапенко быстро исполнил требуемое, после чего с пониманием покинул дом, нервно слоняясь в огороде и делая вид, что его сильно интересует, не проросло ли что в начисто лишенных семян грядках. В этом году Нина не чувствовала в себе сил заниматься насаждениями, хотя всегда любила данное занятие, ограничилась лишь цветами, уместившимися в трех клумбах у самой калитки. Пустая земля, засаженная картофелем, чьи ростки пока и не думали прорываться, смотрелась сиротливо и уныло, но Саше важно было отвлечься. Антураж не имел значения. Лишь бы не в доме, откуда уже доносились приглушенные стоны наверняка очнувшегося Коновалова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.